

Алексей Некрасов-Вебер

18+

Аномальная зона

Алексей Некрасов-Вебер

Аномальная зона

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Некрасов-Вебер А. Г.

Аномальная зона / А. Г. Некрасов-Вебер — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Законы физики и жесткие цепочки причинно-следственных связей держат наш мир в жестких оковах. Но оказывается, остались на планете уголки, где все идет не по правилам. Экспедиция в один из таких аномальных анклавов и описана в книге. И находится он не за тридевять земель, а километрах в трестах от российской столицы в деревне Глухаревка. И естественно, что смельчаков-энтузиастов, рискнувших отправиться в это забытое Богом и районным начальством место, ждут приключения, порой курьезные, а порой и опасные.

© Некрасов-Вебер А. Г., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Часть первая. Экспедиция

Глава 1: Богатый наследник

Поймав себя на том, что уже несколько минут с вождением рассматривает фигурку на витрине, Хрустов даже испугался.

"Совсем дошел, прямо извращенец. А вдруг продавщица заметила?"

По щекам предательски пополз румянец. Но девушка, не обращая внимания, увлеченно беседовала с подружкой из соседнего отдела. Всему остальному миру тоже не было дела до его тайных мыслей, и Хрустов снова перевел взгляд на витрину. А там, среди прочих безделушек, розовощекая Белоснежка, срывающая цветок, будто ненароком обнажала фарфоровые прелести прямо перед восхищенной физиономией гнома. Сюжет совершенно невинный, но игривая фантазия автора придала миниатюре особый интимный колорит, древней, как мир, игры разделенного на два пола человечества. И в то же время в фарфоровых героях было что-то бесхитрое и наивное из веселой языческой молодости народов.

Оторвав, наконец, взгляд, Хрустов приступил к решению дилеммы:

"Купить или не купить!"

Цены в магазинчике кусались, но с недавних пор это не имело значения. Останавливало другое. Казалось, покупая соблазнительницу гномов, он предпочтет созерцание активным поискам.

"Тебе же другие Белоснежки нужны, не фарфоровые. Продавщица, например, чем не вариант?"

Подчиняясь какому-то импульсу, девушка прервала разговор и двинулась в его сторону. Хрустов успел подумать, что чем-то она действительно напоминает прелестницу со статуэтки. Кокетливый взгляд, широкий вырез обтягивающей майки. Наклонись она взять что-нибудь с нижней витрины, эффект наверное был бы тот же.

– Вас что-нибудь интересует? Могу я помочь?

Хрустов заставил себя улыбнуться в ответ:

– Пока еще не решил, думаю.

– Ну что ж, как надумаете, скажите.

Снова улыбка, изящный поворот плеч, и, покачивая затянутыми в джинсы бедрами, она двинулась обратно. А Хрустов, с силой выдохнул скопившийся в легких воздух и ретировался к стеклянным дверям магазина. Через минуту он уже быстро шел вдоль запруженного машинами переулка. Для стороннего взгляда это был ничем не примечательный сорокалетний начинающий полнетый и лысый мужчина. Дорогая одежда сидела на его нелепой высокой фигуре ничуть не лучше, чем та, что он носил раньше. И проходящим мимо молодым незамужним женщинам трудно было догадаться, что с ними только что разминулся завидный по нынешним временам жених – Антон Петрович Хрустов, обладатель солидного состояния, уже несколько лет официально разведенный.

То, что обувь надо подбирать в соответствии с размером ноги признают все, а вот про деньги почему-то думают: "Чем больше, тем лучше". Хотя на самом деле материальное богатство тоже должно соответствовать характеру и масштабу личности. Наверное, дядя Глеб хорошо понимал это, отправляя племяннику троянского коня под видом необычайного щедрого завещания. В то, что пожилой человек на смертном одре искренне решил благодетельствовать родственников, Антон Хрустов никогда не верил.

Дядя всегда представлялся чем-то вроде злого гения для их семьи. С отцом Антоном они были полными антиподами. Если у Петра Ивановича Хрустова даже фамилия звучала как-то по кроличьи, то когда дело касалось дяди Глеба, в том же слове слышалось уже нечто хищное, со вкусом перегрызающее кости. Жизнь Петра Ивановича естественно не баловала, но к людям

он, тем не менее, относился с каким-то маниловским прекраснородушием. Лишь родного брата ненавидел искренне и самозабвенно. Причиной были ухаживания или даже роман дяди Глеба с матерью Антона. Еще давным-давно, ловя детских ухом долетавшие сквозь закрытую дверь обрывки скандалов, Антоша начал воспринимать дядю как враждебную злую силу, которая стремится разрушить его счастливый мирок. Правда, развелись супруги Хрустовы намного позже, когда зловещая фигура Глеба Ивановича давно уже исчезала с семейного горизонта. Но в новые спутники жизни мать тоже выбрала человека очень похожего на дядю. Повзрослевший и научившийся анализировать Антон увидел в этом не простое совпадение и целиком встал на сторону отца:

" Ну, если нравятся тебе напористые и наглые хапуги, зачем было портить жизнь хорошему скромному человеку!"

То, что нелогичному выбору он обязан своим появлением на свет, юноша тогда в счет не принимал. С матерью с тех пор почти не общался, а когда в андроповские времена ее нового супруга посадили, искренне злорадствовал. Как раз в тот период у постели больной бабушки он неожиданно столкнулся с дядей Глебом. Рассказав о последних новостях, Антон не отказал себе в удовольствии вставить:

– Быстрее бы всех этих торгашей пересажали!

Пожелание вполне можно было отнести и на счет самого Глеба Ивановича. И на этот раз комариные укусы племянника видимо задели за живое. Несколько секунд дядя молча в упор смотрел на Антона. Глаза у него были светлые холодные, с какой-то порочной мутноватостью. Наконец, его полные, словно налитые соком, губы пришли в движение :

– Дурак ты, Антоха! Этот торгаш посидит и выйдет. И заживут они с твоей матушкой, так, как вам с папашей не снилось. Скоро вообще придут другие времена. Такие, как он, ноги о вас вытирать будут. А физику и прочую дребедень, которую ты в Бауманке зубришь, в сортир придется отнести, за полной ненужностью.

От неожиданного и странного пророчества стало вдруг холодно и неуютно. словно из грязной подворотни потянуло ледяным дурно пахнущим сквозняком. Вступать в перепалку у постели больной бабушки Антон Хрустов не стал, но потом часто пытался мысленно спорить с дядей. А по ночам порой наваливались цветные кошмары о жестоком чужом мире. Дядя в них выступал в роли злой силы, которая может по своей прихоти стереть тебя в порошок, сделать рабом, довести до самой последней стадии унижения. Просыпаясь, Антон с облегчением думал, что это всего лишь сон. Но вот, предсказание исполнилось, уже наяву.

Приход новой эпохи Антон сначала даже приветствовал, увлекшись лозунгами о свободе и митинговой демократией. Когда прозрел и опомнился, страна уже полным ходом неслась в новое пространство, и такие люди, как дядя Глеб, становились полновластными ее хозяевами.

В девяностые годы Глеб Иванович на горизонте семьи Хрустовых не появлялся. Даже на бабушкины похороны не удалось его вызвать из-за границы. По непроверенным слухам дядя прятался там толи от правосудия, толи от партнеров по бизнесу. Правда, иногда от третьих лиц доходила информация, что дела у него, несмотря на временные затруднения, неуклонно идут в гору. У отца Антона подобные известия вызвали очередное волнение желчи, и крепили уверенность в том, страна катиться в тартарары. За это время Петр Иванович сильно постарел, превратившись в брюзжащего пенсионера. Сам же Антон отчаянно барахтался в мутных волнах новой жизни, добывая пропитание для супруги и малолетнего чада. Приходилось помогать и отцу, влачившему полунищенское существование. Физику и все честолюбивые надежды пришлось, образно говоря, отправить туда, куда и предсказывал дядя.

Пережив эту потерю, Антон вроде бы вступил в полосу относительной стабильности. И вот новый удар – жена уходит к другому. По иронии судьбы ее новый избранник тоже чем-

то походил на дядю Глеба. А через несколько лет дядя снова вторгся в его судьбу, теперь уже совершенно неожиданным образом.

В тот памятный вторник над Москвой висела изнуряющая липкая жара. Отец и сын Хрустовы, одетые совсем легко по-домашнему, сидели на кухне. Петр Иванович, сдвинув очки на край носа, просматривал газету и потягивал прямо из пакета прохладный кефир. Когда-то он был высоким статным мужчиной, но за последние годы как-то быстро усох, съежился и абсолютно поседел. Возвышаясь над отцом, Антон смаковал отдающий жженой пробкой кофе и размышлял, как убить выходной. В магазине, где он в должности младшего менеджера торговал холодильниками, основная работа приходилась на субботу и воскресенье, и потому отдыхать приходилось чаще всего по будням. Телефонный звонок вторгся в их маленький сонный мирок как всегда неожиданно. Чувствуя легкое волнение, Антон двинулся в прихожую. Звонили им теперь очень редко, и каждый такой случай был маленьким событием.

Поздоровавшись, незнакомец попросил позвать Антона Петровича Хрустова. То, что Антон услышал дальше, было неожиданно, но сильных эмоций не вызвало. Совершенно иной была реакция отца. Узнав о кончине брата, Петр Иванович еще сильнее сторбился, и, скинув очки, уставился в какую-то точку на обоях. Казалось, старик пытается прорваться через толщу времени. Туда, где соперничество лишь игра, и после очередной баталии мальчишки погодки, прижавшись плечами, заморожено слушают страшную бабушкину сказку. Выйдя из оцепенения, Петр Иванович изменившимся голосом произнес:

– Ты, Антон, от завещанного не отказывайся, не хорошо это будет...

И без отцовского совета Хрустов младший не собирался отказываться от дядиных денег.

"С паршивой овцы хоть шерсти клок. Прости, Господи, что так о покойном!"

Отправляясь на встречу с нотариусом, Антон гадал, сколько же подкинул от предсмертных щедрот дядя. В самом смелом взлете фантазии наследство не превышало тысячи долларов. Хотя больше он склонялся к тому, что сумма будет унижительно маленькой, и оправдает, пожалуй, только проезд на метро. Когда же узнал, что теперь он владелец контрольного пакета акций металлургического завода, принял все это за розыгрыш. Нотариусу пришлось терпеливо объяснять, что люди его профессии к подобным шуткам совершенно не склонны. Но Антон все еще не верил.

Свалившееся вдруг богатство чуть не раздавило не подготовленную психику. Коварный пункт в завещании запрещал в течение нескольких лет продавать акции и обязывал принимать участие в управлении заводом. Конечно, можно было и отказаться. После развода Антон стал не только одиноким, но и свободным. Если не брать в счет лепет папаши об исполнении воли покойного, решение можно было принимать без чьего либо давления. Но он вдруг и сам не захотел прятаться от судьбы. Где-то за туманными склонами Уральских гор полыхало адским пламенем прокопченное чрево индустриального Молоха. Казалось, Антон слышит вызов чудовища, и уже он не может его не принять. Из-под рыхлой ментальности маленького запуганного жизнью человека вылезло вдруг, что-то твердое и упрямое. Промучившись несколько дней в сомнениях, Антон Хрустов уже собирался брать билет на челябинский поезд. Но тут судьба совершила новый вираж.

Из таинственной дымки новой жизни материализовался представитель партнеров дяди. Этот опасный экземпляр "нового человека" обладал наиграно приятным голосом, фигурой атлета и безупречными манерами, сквозь которые все же проступала акуля хватка. Все время, пока пришлось иметь с ним дело, Хрустов чувствовал неприятный холодок нервного напряжения. Иногда он даже недоумевал, почему с ним не расправятся, так как обычно пишут в газетах. Но видно пришли другие времена, и проще стало решать подобные вопросы цивилизованно.

Предложенный представителем план позволял обойти некоторые пункты дядиногo завещания. Управлением заводом фактически попадало в руки тех, кто умел и хотел это делать, а Антон Хрустов получал в свое распоряжение огромную, по его меркам, сумму денег. С первой же беседы стало ясно, что предложение из тех, от которых трудно отказаться. Вопрос был решен к обоюдному удовольствию, и все-таки в глубине души осталось чувство недовольства собой.

Став обладателем состояния, Хрустов быстро сделал неприятное открытие:

" Вроде бы он богат, но по сути дела все тот же одинокий, неуверенный в себе человек, боящийся вылезти из привычной социальной ниши."

Даже отмечали эпохальное событие по-домашнему на кухне. От приглашения посетить ресторан Петр Иванович решительно отказался. Перебрав в уме всех знакомых, Антон вдруг обнаружил, что друзей, с которыми хотелось бы разделить торжественное застолье, у него просто не осталось. В итоге распили на двоих с отцом бутылку дорого коньяка, и разошлись по своим холостяцким комнатам. Что делать и как жить сыну дальше, Петр Иванович посоветовать не мог. Давно закупорив себя в тесную раковину, он уже не собирался из нее вылезать. А вот Антону предстояло решить задачу не из легких.

Наверное, если бы сразу кинулся головой в омут, что-нибудь бы и получилось. Но, собираясь завести собственное дело, Антон Хрустов решил заранее продумать и по возможности предотвратить все неприятности. И чем дольше он думал, тем страшнее и сложнее все ему представлялось. Уже по ночам снились златозубые улыбки братков, пронзительный взгляд налогового инспектора. Доставшееся от дяди состояние казалось теперь не таким уж и большим. Во всяком случае, рисковать даже какой-то его частью совершенно не хотелось. В итоге, так и не начавшись, карьера предпринимателя была отложена до лучших времен. Попытка заняться, как хобби, некогда любимой физикой тоже оказалась бесплодной. За прошедшие годы мозг, подобно мышцам бывшего спортсмена, подернулся жирком, утратив способность к напряженной работе. К тому же время богатых джентльменов-любителей безвозвратно ушло. Для плодотворной деятельности нужна была живая научная среда коллег, оппонентов, актуальных задач. Посетив институт, в котором когда-то начинал трудовую деятельность, Хрустов обнаружил его еще в более плачевном состоянии, чем предполагал. Благое желание стать спонсором возрождения отечественной науки умерло, даже не родившись. Никаких дядиных капиталов для столь масштабной задачи все рано бы не хватило, а финансировать липовые отчеты, которые и сам когда-то неплохо умел стряпать, он не собирался.

В конце концов, пришлось согласиться на участь богатого бездельника. Постепенно, он выработал для себя амплу скучающего эстета коллекционера. Посещал выставки, антикварные и букинистические магазины, ужинал в дорогих ресторанах. Физическую форму пытался поддерживать в фитнес-клубе, где даже обзавелся знакомыми, которым врал, что крутиться в бизнесе по продаже холодильников.

Постепенно такая жизнь стала казаться вполне естественной. Только одна проблема не давала покоя. Давно пора было кончать с затянувшимся холостяцким состоянием. Но как найти подходящую партию, если вышел из возраста, когда посещают дискотеки, не возвращаешься в обществе, и даже на работу не ходишь? Объявления об интимных услугах Хрустов, к стыду своему, просматривал, но позвонить так и не решился. Удерживала не только опасность столкновения с криминалом. Он чувствовал, что такое решение проблемы в чем-то сродни подсаживанию на наркотик. Привыкаешь получать дозу удовольствия за фиксированную плату, и все остальные пути для тебя уже закрыты.

В результате оставалось только знакомства в общественных местах. Даже по молодости Антон Хрустов не особо преуспевал в этом тонком искусстве. Чего уж говорить о его нынешней форме! Конфузом окончились несколько попыток познакомиться в театре. Подцепив в кафе приехавшую из Тулы блондинку, Хрустов весь день проводил ее по Москве, раз-

дражаясь от провинциального говорка и косясь на стройные ножки спутницы. Робкое предложение, посетить его холостяцкое жилище, неожиданно получило суровую отповедь. Чтобы сохранить лицо, пришлось проводить даму до автостанции и поблагодарить за отлично проведенное время.

Однокомнатную квартиру для подобных случаев, он снял на другом конце Москвы. Так и не став местом свиданий, жилплощадь вытягивала арендную плату и покрывалась пылью. Вечера Хрустов проводил вместе с отцом у телевизора, и все еще продолжал надеяться на счастливый случай. Хотя вполне отдавал себе отчет, что после дядиного наследства требовать у судьбы еще чего-нибудь, пожалуй, уже бессовестно.

Глава 2: Исследователь аномалий

Оставив далеко позади фарфоровую Белоснежку и хорошенькую брюнетку продавщицу, Хрустов подошел к оживленному перекрестку. Свернув налево, он попадал в заведение, где обычно пил обеденный кофе. Напротив кафе располагался книжный магазин с букинистическим отделом, и какой-то внутренний импульс подтолкнул его именно туда. Еще с утра не оставляло ощущение, что сегодня должно произойти нечто очень важное. Трезвый и скептический ум убеждал, что это очередной самообман. Но порой человеку так хочется поверить в чудо! И опровергая все доводы разума, Хрустов с радостью прислушивался к тихому шепоту интуиции.

Поднимаясь по ступням книжного магазина, Хрустов представлял, как состоится встреча с женщиной его мечты. Хрупкая и трогательно-беззащитная она будет листать у прилавка потертый томик стихов. Откинув, упавшую на глаза светлую прядь волос, оторвется от книги, и взгляды их случайно пересекутся...

Разочарование ждало уже на пороге. Похоже, что незнакомка его мечты сегодня опять выбрала другой маршрут. У заваленного книгами стола копошилось только несколько энтузиастов мужского пола. Две полные продавщицы в синих халатах лениво переговаривались, облокотившись на кассу. Хрустов тоже приступил к осмотру книжного развала, утешая себя мыслью, что сегодня обнаружит какой-нибудь раритет. Незаслуженно забытый философ или писатель. Книга ведь тоже может перевернуть судьбу!

С возрастающим охотничьим азартом Хрустов просматривал названия на потертых обложках, когда рядом послышался возмущенный голос:

– Господи, что творят!

Отпрянув назад, Хрустов с испугу решил, что по своей обычной неуклюжести отдал кому-то ногу. Но высказывание, к счастью, относилось ни к нему.

– Прямо грабители! - продолжал возмущаться невысокий пожилой человек потрясая большой книгой в суперобложке. Заметив чужой удивленный взгляд, странный субъект понял, что говорит сам с собой вслух. Не особо смутившись, он интеллигентно улыбнулся и счел необходимым пояснить:

– Представляете, гоняюсь за этой книгой уже два года. И вот, наконец, нашел. Но цена прямо грабительская.

– А что, редкое издание? – вежливо поинтересовался Антон.

– Уникальное! В русском переводе всего тысяча экземпляров. Когда она попала на прилавки, я как раз был в экспедиции. Потом исчезла, и вот уже два года пытаюсь найти.

– А почему ее не переиздали, если спрос есть?

Незнакомец развел руками, а потом произнес таинственную фразу:

– Видите ли, все что касается этой темы окружено странностями. Кстати и в Интернете ее тоже отыскать не удалось, а автор, как мне известно, исчез при загадочных обстоятельствах.

Закрыв книгу, он показал обложку: *Джеймс Хартон*

" Общий обзор и классификация пространственных психофизических аномалий второго и третьего порядка "

Прочитав название, Хрустов перевел удивленный взгляд на собеседника. Кажется, он зря записал его в старики. Скорее всего, мужчине было около шестидесяти. И для своих лет он находился в очень неплохой физической форме. В невысокой сухощавой фигуре чувствовалась жилистая подтянутость. Лицо покрыл коричневый загар явно не курортного происхождения. Старили его, пожалуй, только резкие морщины вокруг глаз и сплошная седина, что успела окрасить в цвета сибирской зимы неплохо сохранившуюся шевелюру.

«— Альпинист, или фанат туризма из старой гвардии. А может быть, геолог,»— подумал Хрустов. И тут незнакомец, удовлетворяя его любопытство, протянул визитную карточку и произнес:

– Павел Николаевич Семигорцев, председатель российского отделения международного клуба исследователей пространственных психофизических аномалий.

– Антон Петрович,— представился в свою очередь Хрустов, и почему-то в первый раз в жизни добавил к имени и отчеству чужеродный термин "рантье". Теперь уже новый знакомый посмотрел на него с любопытством, и тогда Хрустов, неожиданно для самого себя, быстрой скороговоркой выпалил:

– Не сочтете за обиду, если я вам эту книжку подарю? Поверьте, для меня сумма значения не имеет. Считайте, что в порядке помощи отечественной науке.

Почувствовал, что такое непрошеное благодеяния все-таки отдает новорусским хамством, Хрустов окончательно смутился. Но в ответ, после короткой паузы, прозвучало:

– Ну что же, принимаю помощь с благодарностью, но покупаем на полонинных паях с правом совместного владения.

Через минуту новоиспеченные совладельцы редкого экземпляра, оживленно беседуя, выходили из магазина. На пороге они, чуть было, не налетели на худенькую девушку в белой обтягивающей юбке. Извинившись, обогнули ее с двух сторон и, продолжая беседу, пошли дальше. Бросив вслед мужчинам затуманенный поэтический взгляд, девушка поправила очки, откинула назад светлые кудряшки волос, и меланхолично двинулась к книжному прилавку. В хорошенькой белокурой головке всегда царил хаос быстро сменявшихся мыслей и настроений. Сейчас ей вдруг показалось, что по капризу судьбы только что не состоялась важная встреча. Рассеянно оглядев магазин, девушка с сожалением вздохнула и углубилась в изучение книжного развала.

Посещение маленького кафе органично вписалось в продолжение их знакомства. Заведение было сугубо летним и демократичным: – всего лишь несколько не очень чистых столиков под фирменным тентом "Балтика", молодая официантка в синем передничке, стойка с двумя пивными кранами. Из одного лилось холодное пиво отечественного сорта, из другого "Туборг", точно такого же вкуса, но за чуть большую цену. Еще можно было заказать кофе, подогретую в СВЧ печке маленькую пиццу, охлажденную колу, чипсы и прочую съедобную мелочь. В дневное время сюда забегали перекусить сотрудники ближайших офисов, отдыхали после экскурсий по музеям и бутикам гости столицы. Именно тут месяц назад Хрустов и познакомился с блондинкой из Тулы, когда она выразительно скучала в обществе маленького бокала пива. Но сегодня контингент был чисто мужской. Два молодых парня пили пиво. Холеный бородач, в элегантном костюме, неторопливо смаковал кофе и просматривал газету.

Усадив компаньона за самый дальний столик, Семигорцев отправился делать заказ. Вернувшись, поставил на столик поднос с двумя кружками и с улыбкой заявил:

– Хотели про аномалии, извольте! Но учтите, я об этом могу часами.

Говорить он действительно мог без остановки, но рассказчиком был талантливым и вводную часть "лекции" Хрустов проглотил на одном дыхании.

Оказалось, что открытие психофизических аномалий напрямую было связано с философией. Еще в начала двадцатого века никому неизвестный российский мыслитель из провинциальной иркутской глубинки со смешной фамилией Пичугин, выдвинув идею мирового психофизического поля. Предложив ее, как оригинальный вариант компромисса в извечном споре между материалистами и идеалистами. По его теории только благодаря этой всеобъемлющей метафизической среде наш материальный мир воспринимается подавляющим большинством мыслящих индивидуумов одинаково. Что, впрочем, совершенно не говорило об истинности познания. Как последователь Канта, Пичугин считал все проявления материи вещью в себе.

По его мнению, структура психофизического пространства постепенно менялась. Вместе с ней изменялось и восприятие человека. Отошли в разряд небывальщины черти, вурдалаки, магия. Только в островках первобытных обществ сохранились рудименты архаичной психофизической структуры. Именно поэтому ученые часто пасуют, сталкиваясь с проявлением магической силы шаманов, или фиксируя необъяснимую связь дикарей с тотемными животными. Но дальнейшее и неизбежное уплотнение психофизического поля, согласно Пичугину, должно было привести к полному нивелированию восприятия, а в дальнейшем и к образованию всеобщего единого мышления.

Автор гипотезы, наверное, из-за фамилии сначала представлялся маленьким смешным человечком. Но Семигорцев, открыв книгу, показал репродукцию старинной фотографии. Высокий статный господин в медицинском халате, накинутом на военную форму, выглядел бравым офицером и щеголем. На этом снимке времен русско-японской войны усики будущего мыслителя лихо подкручивались вверх, а о левую руку нежно облокотилась хорошенькая сестричка милосердия. Но пройдет немного времени и военный врач Пичугин, выйдя в отставку, всерьез увлечется психиатрией. Изучение шизофрении натолкнет его на неожиданные выводы. Потом родится гипотеза поля, и тогда все соблазны мира отойдут на задний план.

Как это часто бывает, автор станет заложником собственного творения. Решив, что открыл очень важную истину, он растратит душевные силы в бесполезных попытках донести ее миру. Коллеги восприняли теорию в штыки и заклеямили, как антинаучную. Неласково приняли чопорного провинциала и в петербургских интеллектуальных салонах. Только Бердяев однажды вскользь упомянет "врача из Иркутска" как самобытного мыслителя. Но под конец жизни Пичугину все-таки удастся опубликовать свою теорию в тоненькой книжечке, изданной в количестве трехсот экземпляров на деньги забайкальского золотопромышленника и купца первой гильдии Птицына.

Неисповедимы порой пути судьбы! Непризнанный и всеми забытый автор давно уже покоился на кладбище, когда его детищу, благодаря небольшому размеру и тонкому переплету, нашлось место в чемодане бежавшего в Харбин племянника купца Птицына. Чуть позже запутанными тропами русской иммиграции книжечка перекочевала в Париж. Там, по случайному, а может быть не случайному стечению обстоятельств, она попадет в руки человека давшего ей вторую жизнь.

С фотографии молодой Шарль Лентье смотрел дерзко иронично и очень по-французски. Во взгляде словно отражались огни фейерверков, брызги шампанского, красивый взлет клинка шпаги. Но в жизни сын парижского буржуа и русской иммигрантки был математиком. Сухая на взгляд непосвященного наука была для него увлекательной игрой ума, которой он отдавался со всем энтузиазмом молодости. Прочитав неизвестного автора из далекой России, Лентье решил создать математическую модель психофизического пространства. С обычной для его таланта легкостью модель была создана в достаточно короткие сроки. Как математическую шутку он опубликовал ее в одном из научных журналов и вскоре забыл. Дальнейшая судьба самого математика сложилась печально. Изучение шизофрении натолкнуло Пичугина на создание теории психофизического пространства. И эта же болезнь по злой иронии судьбы стала проклятием для его блестящего последователя. В пятидесятых годах, когда Францию сотрясали студенче-

ские волнения, в тихом предместье Парижа, пациент закрытого медицинского учреждения, чертил пальцем в воздухе формулы, видимые только его горящему взору, а его личность, распадаясь на части, постепенно погружалась в аномалию психофизического пространства...

Аномалии "Лентье", по словам Семигорцева, стали самым выдающимся открытием молодого математика, хотя сам автор всегда относился к этой работе как к шутке. Из созданной им модели вытекала неизбежность образования локальных искажений единого психофизического поля по мере уплотнения его условных силовых линий. Начало образования будущих аномалий, по расчетам Лентье, приходилось на семидесятые годы двадцатого века. В конце своей статьи математик даже рекомендовал потомкам это проверить и предложил несколько ироничных рекомендаций по правилам техники безопасности в таких зонах.

Несмотря на быстро оборвавшуюся карьеру, имя Шарля Лентье не кануло в безвестность. Некоторые его работы по теории вероятности получили высокую оценку, правда, только в узком кругу специалистов. Поле "Пичугина" тоже иногда упоминалась как оригинальный пример построения математической модели. Именно в форме математической шутки детище русского мыслителя вернулось обратно на его родину.

Вводная часть "лекции" закончилась вместе с первым бокалом пива. Следующий заказ Хрустов хотел сделать сам, но Семигорцев настоял на том, что сегодня он угощает. Пока он общался с девушкой за стойкой, Хрустов наугад раскрыл книгу. В глаза сразу бросилась диаграмма из стрелочек и кружочков, украшенная причудливыми фигурками в стиле страшных фантазий Босха и Гойя. Надписи в кружочках тоже давали пищу для воображения: "блуждающий ландшафт", "гипертрофированный социум", "мифологизация реальности", "спиральное искривление объема ноосферы".

Оторвавшись от страницы, Хрустов обнаружил, что бородач из-за соседнего столика стоит у него за спиной и тоже внимательно разглядывает книгу. Уличенный в любопытстве мужчина смущенно закашлялся и, сворачивая на ходу газету, быстро двинулся к выходу. В это время подошел Семигорцев. На его подносе, по соседству с кружкой пива скромно пристроилась маленькая чашка черного кофе.

-С некоторых пор больше одного бокала организм не принимает, – сообщил он с виноватой улыбкой – А по молодости я пиво очень уважал. В студенческие годы под воблу две-три кружки только так пролетали. А после стипендии обычно раков брали.

Прищурившись, он, наверное, представил веселый солнечный луч над краешком бело-снежной пивной пены, дымящийся развал горячих раков и молодых загорелых парней в кепках и футболках. А разговор, от вкусовых пристрастий, плавно перетек к прежней теме. Теперь он уже касался эпохи близкой и не понаслышке знакомой.

...Конец семидесятых. Замкнутый благополучный мирок академгородка. Некий прообраз счастливого будущего. Где-то далеко в большом мире, выстраиваются очереди за дефицитом, как гигантские удавы ползут к Москве "колбасные" электрички. В торговых ПТУ и в "зоне" на первой отсидке набирает жизненный опыт будущая неофициальная элита страны. Но в тепличную атмосферу городка долетают только легкие сквознячки зарождающихся вихрей. Мир кажется устойчивым и нерушимым, как поросшая мхом скала. И эта скучная стабильность неизбежно раздражает бурлящий энтузиазм молодости.

Пока в интимном полумраке под шепот французских шансонье кружатся влюбленные парочки, на кухнях кипят споры. Вольнодумство в моде, благо, что на эшафот за него больше не отправляют. Кого-то же влечет состязание с еще не покоренной до конца природой. Будущие гении науки завсегда на альпинистских базах Алтая и Кавказа. Их часто можно встретить на туристических тропах и байдарочных маршрутах. И под звездным небом в расколотой кострем темноте старенькие гитары, надрываясь, брэнчат про речные перекаты, таежные тропы и крепкую, как гранит, мужскую дружбу.

Семя упало на хорошо подготовленную почву. Статья Лентье оказалась в руках подающего большие надежды молодого ученого. В чем-то Александр Ланской походил на самого создателя модели. Он тоже авантюрист и романтик. Обнаружив, что одна из предсказанных аномалий должна появиться всего лишь в сотне километров от академгородка, он решает проверить гипотезу. В итоге на ближайшие майские праздники молодежная компания отправляется в многодневный турпоход. В существование аномалии никто, конечно, не верит, но ее призрак придает аромат тайны. А бездонная глубина майского неба и присутствие в команде представительниц лучшей половины человечества только усиливают романтический эффект путешествия.

Однако возвращение оказывается куда менее веселым. Товарищи по походу старательно избегают встречаться, словно стесняются друг друга. А потом начинаются и вовсе странные события. Сначала внезапно заболевает инициатор поиска аномалии. Официальная версия – нервный срыв, но по институту ползут слухи о шизофрении. Одна из походниц, молоденькая лаборантка, когда-то красневшая от фривольных анекдотов, вдруг ударяется в разврат, шокирующий даже людей далеко не пуританских взглядов. Другая участница похода, обаятельная и милая дама, в одночасье становится законченной стервой, и даже самые преданные воздыхатели начинают избегать ее общества. С остальными вроде бы не происходит резких изменений, но разговоров о том злосчастном майском походе они избегают словно чумы. И только один человек пытается осмыслить, что же все-таки произошло.

В той первой экспедиции Семигорцев не заметил каких-либо сверх естественных явлений. Однако некоторые странности в поведении людей, мелкие нарушения законов физики, гнетущее ощущение зыбкости окружающего мира были им зафиксированы и скрупулезно описаны в дневнике. Самым странным оказалось поведение товарищей по походу после возвращения, и тогда он сделал вывод, в последствие не раз подтвердившийся:

"Аномалия воспринимается совершенно не однозначно. Одни и те же явления внутри этого пространства могут вызвать у разных людей совершенно разные ассоциации. И для многих пребывание в аномальной зоне просто опасно."

В следующий поход Семигорцев собирался пойти один, но неожиданно у него объявился сподвижник. Петр Сидорин в научном исследовательском институте был на особом положении. От талантливого механика и мастера "золотые руки" зависело проведение многих экспериментальных работ, но к "высокой" науке по складу ума и характера Сидорин не имел никакой склонности. Потому для многих он был человеком другой касты. В научных институтах, несмотря на знаки подчеркнутого уважения, на таких людей смотрели свысока. Обычно от этого развивается защитный комплекс, но Сидорин неизменно оставался человеком веселым и доброжелательным. А в первой экспедиции обнаружилось и еще одно ценное качество. Он, наверное, был единственным, на кого встреча с аномалией совершенно не подействовала. Правда, в ночь с первого на второе мая что-то померещилось. Но ведь всем известно, что по пьяному делу какие только чудеса не происходят!

Таким образом, в лице старшего техника Сидорина будущий председатель российского отделения клуба обрел себе надежного помощника, за психическое здоровье которого можно было не опасаться. С частотой предоставления очередного отпуска их дуэт начинает регулярные экспедиции по изучению зоны "Ланского". Так окрестили активно развивающуюся сибирскую аномалию. Под этим названием она и войдет потом в картотеку международного клуба.

Несмотря на жгучее желание поделиться с человечеством результатами исследований, Семигорцев хорошо понимал, что этого делать пока не стоит, но по институту все равно ползли слухи о его чудачествах и даже психическом заболевании. Особо усердствовали в этой клевете бывшие товарищи по экспедиции. Однако, потом неожиданно появилась поддержка и весьма могущественная.

Вопреки бытовавшему мнению, сотрудника госбезопасности Семигорцев распознал с первого взгляда. Похожий на бойкого комсомольского вожака молодой человек подошел в коридоре и назвал себя представителем какой-то научной комиссии. Но почему-то сразу стало понятно, кто на самом деле заинтересовался его хобби. Они поговорили в институтской курилке, потом посидели в кафе, и достаточно легко пришли к согласию. Семигорцев обязался в полном объеме предоставлять "комиссии" материалы о своих исследованиях, получая в обмен всю необходимую помощь. С тех пор, словно по команде, замолчали язвительные языки. Начальство без звука выписывало командировки и предоставляло аппаратуру.

Однако "эпоха перемен" практически положила конец его работе. Материальные проблемы вынудили перебраться в столицу. Компаньон и объект исследования оказались за многие сотни километров. Билеты стали недоступно дорогими. Аномалия, которая к тому времени уже начала "закукливаться", оказалась предоставленной самой себе. Правда, как говорят, худа без добра не бывает. Именно в те смутные годы стало возможным знакомство с недоступной раньше информацией. Семигорцев обнаружил, что в мире действует не меньше десятка ячеек его единомышленников. С некоторыми удалось завязать переписку, и он уже почувствовал себя членом некой общности. А шесть лет назад, объявился и его покровитель. Располневший и обрюзгший защитник тайных интересов отечества, теперь представлял службу безопасности одного из новых хозяев жизни. Общение с этим типом, мягко говоря, не доставляло удовольствия, но именно он предложил финансовую поддержку.

Неожиданная спонсорская помощь позволила посетить парижский съезд международного клуба исследователей аномалий, где Семигорцев был избран председателем российского отделения. Вступление в международный клуб позволило получать субсидии. На эти средства удалось снять небольшой офис. Но главным для Семигорцева было то, что он снова смог принимать участие в "полевых работах". Вскоре, за большой личный вклад в организацию и проведение экспедиций, руководство международного клуба даже пожаловало ему почетный среди аномальщиков титул "командора".

Главным подшефным объектом теперь стала аномалия в трехстах километрах к северу от Москвы. В ближайшее время он собирался организовать туда очередную экспедицию, но пока удерживала нехватка средств.

Услышав о поисках новых спонсоров, Хрустов словно очнулся от гипнотического сна. Подоплека происходящего предстала во всей очевидности. Уже с полчаса он слушает рассказ о каких-то мифических аномалиях, а случайный знакомый охотно читает лекцию с историями якобы из собственной жизни. Так что вывод напрашивался весьма прозаичный:

" Раскручивают тебя, дурак! Банально и пошло раскручивают. Хотя, надо заметить, что способ не лишен оригинальности... "

После этой неприятной догадки разговор как-то очень быстро свернулся. Когда выходили из заведения, Хрустов ожидал, что сейчас ему намекнут на возможность принять участие в спонсорской поддержке, но Семигорцев просто крепко пожал на прощание руку и сказал, что будет рад продолжению знакомства.

На том и расстались. За ближайшим поворотом Хрустов достал визитку нового знакомого и демонстративно разодрал ее пополам. Но, так как урны рядом не наблюдалось, обрывки засунул в карман.

Глава 3: Неожиданное решение.

Петр Иванович Хрустов прибывал не в лучшем расположении духа, и появление сына встретил раздраженным ворчанием:

– Стыдно молодому мужику целыми днями ни черта не делать, да еще с утра пораньше накачиваться пивом!

Обычно Антон встречал такие выпадки молчанием, но сейчас вдруг взорвался. Не узнавая своего голоса, он кричал, что будет делать все, что захочет. Потому-то его деньгами оплачиваются квартира, спутниковое телевидение, а также деликатесы к общему столу, которые простые российские пенсионеры вряд ли себе могут позволить.

Выкрикивая последнее заявление, он уже осознал, что перегибает палку. Но слово не воробей. Павел Иванович еще сильнее сгорбился, обиженно забормотал себе под нос и скрылся в своей комнате. Антон чувствовал раскаяние, однако сразу же идти извиняться не хотел.

" В конце концов, сколько же можно брюзжать! Лучше бы посоветовал, как жить на этом свете. А то тоже мне, отец называется!"

Грустно опустившись на диван, он ощутил, как в желудок давит на грудную клетку, от чего сердце неприятно защемило. Состояние было на редкость омерзительное. Пивное опьянение успело перерасти в похмелье. Заниматься чем-либо не было ни сил, ни желания, а до вечернего телесериала еще оставалось безмерное количество времени. Переодевшись в старенькие джинсы и широкую импортную майку, наверное, шитую для толстяков из американских комедий, он походил по комнате, присел, а потом и прилег на диван. Сознание сразу же провалилось в пустоту, выйти из которой удалось только несколькими часами позже.

Просыпаться в сумерки всегда отвратительно. Вырвавшись из естественного ритма, организм не знает, переходить ли к окончательному пробуждению или снова погружаться в сон. Некоторое время не было сил пошевелить ни рукой, ни ногой. Наконец, он заставил себя подняться и отправился готовить кофе. Проходя мимо гостиной, обнаружил, что телевизор не включен. Петр Иванович из принципиальных соображений отказался смотреть свой сериал по спутниковому телевидению. Подавив грызущее чувство раскаяния, Хрустов-младший поплелся дальше на кухню. Он уже признавал, что был со стариком по-свински груб, но упрямство еще мешало попросить извинения.

Кружка кофе помогла окончательно проснуться, но настроение все равно оставляло желать лучшего. Прихлебывая горячий напиток, он смотрел на уродливые силуэты железных гаражей на другой стороне дороги и думал о том, что с каждым годом мир для него теряет краски. Лето было в самом разгаре, но он уже представлял, что через пару месяцев зальют дожди. И без того нерадостная картина утонет в серой осенней дымке. А с середины ноября ляжет снег. Колючий холод будет чередоваться со слякотью оттепели. И так до апреля. Да и весна, которую так ждешь, тоже бессмысленна, как и все в этой жизни...

Такого тяжелого приступа меланхолии Хрустов не мог припомнить. Пожалуй, даже когда Нина объявила о своем уходе, состояние было куда бодрее. Во всяком случае, злился, ревновал, да и в глубине души еще на что-то надеялся.

"А тут прямо тоска смертная. Хоть в гроб ложись!"

Единственным человеком, с которым еще хотелось общаться, была дочь. Он уже снял трубку, но звонить все-таки не стал. Решил, что сделает это позже, когда пройдет пик депрессии.

"Нечего девчонку своими соплями грузить! "

Тут же он вспомнил, что на дворе конец июня. Дочь наверняка отдыхает с отчимом и матерью где-нибудь на средиземноморском курорте. Мелькнула мысль и самому отправиться куда-нибудь к лазурному морю, но большого энтузиазма это не вызвало:

" Никуда ты, брат, от самого себя не денешься. Хоть на край света поезжай! ...Хотя почему обязательно на край света?"

Вспомнив вдруг о новом знакомстве, Хрустов взволнованно заходил по кухне. Потом побежал в комнату и извлек разорванную визитку. Теперь он уже благодарил судьбу, что сунул обрывки в карман брюк. В этих неровных клочках бумаги сейчас был его шанс вырваться из душевного кризиса. Во всяком случае, в это хотелось верить.

Глава 4: Первые приключения

Следующим утром, еле дождавшись одиннадцати, Хрустов позвонил в офис клуба. Ответил приятный женский голос, потом трубку взял сам Семигорцев. Просьбе о встрече он совсем не удивился и достаточно сухо предложил:

– Приезжайте, переговорим.

Выпив на дорогу чашку кофе, Хрустов стал собираться, но уже в дверях его остановил телефонный звонок. Голос в трубке показался совершенно незнакомым. Некоторое время он в растерянности слушал, как девушка с провинциальным говорком настойчиво изъявляет желание повидаться. Постепенно до него стало доходить:

" Галочка из Тулы? Вот это сюрприз!"

Прервав игривый монолог о том, как одинокой девушке неуютно в чужом городе, он предложил провести вечер на его второй квартире. После короткой заминки на другом конце провода прозвучало:

– А может пораньше? Мне в семь домой уезжать. На работу завтра.

– Нет проблем! – хотел сказать Хрустов. В голове со скоростью калькулятора уже просчитывалось, сколько времени нужно на то, чтобы доехать на такси до Отрадного и купить по дороге десерт. Остальные компоненты интимного вечера, включая музыкальный центр, коньяк и шампанское давно дожидались своего часа в уютном холостяцком гнездышке.

– Может быть, в час дня встретимся? – опередив его, предложила Галина. Хрустов чуть было не сказал "да", но тут, наконец, вспомнил о уже назначенной встрече. В трубке опять повисло молчание. Хрустов не мог понять, что с ним происходит. Поездку в клуб аномальщиков можно было переложить на любой другой день. Он ничем не обязан Семигорцеву, да и вряд ли существует очередь желающих записаться в весьма сомнительные экспедиции. Но не покидало какое-то странное ощущение, что если податься сейчас соблазну, все планы изменить жизнь полетят в тартарары.

– Ну, так вы согласны? – поинтересовалась Галина. И тогда словно кто-то другой сухо ответил, что днем он занят.

Слушая разочарованный вздох и короткие гудки в трубке, Хрустов все еще не мог понять, почему так поступает. Но ощущение было такое, что промедлит еще минуту и уже какая-то другая причина помешает уехать.

И действительно, препятствия уже караулили его за дверями дома. Улица Профсоюзная "встала", забитая до горизонта гневно урчащими машинами. Некоторые водители даже выключили двигатели и прогуливались около своих автомобилей, пытаясь разглядеть край пробки. У метро его ожидал другой неприятный сюрприз. Еще издали он увидел, как люди, спустившись на несколько ступенек, вдруг останавливаются и идут обратно. Отказываясь верить в такое патологическое невезение, Хрустов все-таки сунулся в переход, и тут же услышал, как официальный строгий голос с интервалом в минуту монотонно объявляет о закрытии нескольких станций по техническим причинам.

Это был приговор его сегодняшним планам, но тут в душе неожиданно проснулось упрямство. Такое качество характера иногда помогало переносить превратности судьбы, хотя, чаще всего, усугубляло их неприятные последствия. В детстве на рыбалке он дольше всех просиживал с удочкой при полном отсутствии клева. Приятели давно уже смотали снасти, а Антоша все еще заморожено смотрел на застывший поплавок и давил комаров. В институте он безуспешно добивался любви одной из однокурсниц. Все пять лет пробыл в верных рыцарях и запасных ухажерах, а вышла она все-таки за другого человека. Казалось бы, можно сделать выводы, но Антон Хрустов упорно не желал меняться. Пока другие искали себе место в новом рыночном мире, он упрямо держался за статус инженера-физика. В результате семейный раз-

лад, и несколько лет в беспросветной бедности. И вот теперь судьба снова давала понять, что от задуманного лучше бы отказаться, а он опять героически пытался преодолеть новые преграды.

Офис Семигорцева располагался недалеко от развилки Каширского и Варшавского шоссе. В сложившейся ситуации единственным выходом было продвигаться в сторону соседней ветки метрополитена. В свое время Хрустову случалось добираться пешком от Каховской до Беяево. Но тогда по молодости все было гораздо проще. Однажды в теплую майскую ночь он даже почувствовал непреодолимое желание перейти с шага на легкий бег. А потом так и пробежал весь маршрут, с восторгом врезаюсь в бархатную темноту спящего города. Теперь же настали иные времена. Добравшись быстрым шагом до улицы Обручева, Хрустов уже чувствовал одышку. Пробки здесь не было, и он стал ловить машину. Вырываясь из затора на Профсоюзной, автомобили с ревом пронеслись мимо. Наконец, чуть не наехав на кромку тротуара, рядом резко затормозил старенький "жигуленок". Не торгуясь, Хрустов согласился с предложенной суммой, и, согнувшись в три погибели, влез на переднее сидение. Злоключения вроде бы закончились, однако не оставляло ощущение совершенной оплошности, которая в итоге сведет на нет все усилия.

Они уже подъезжали к Варшавскому шоссе, когда его вдруг осенило.

" Кошелек! Вот, что он все-таки забыл!"

Перед выходом из дома, он собирался положить его в карман. Как раз в это время прозвучал звонок, и кошелек так и остался на тумбочке.

Вот так из уважаемого господина в одночасье можно превратился в человека без копейки в кармане! Все еще отказываясь в это поверить, Хрустов принялся обшаривать рубашку и брюки. Увы, ни кошелек, ни даже случайно завалявшейся мелочи там не было. Со страхом он покосился на водителя. Мрачноватый, похожий на медведя мужик за всю дорогу не произнес ни слова. Хрустов живо представил, как этот тип сейчас придет в ярость. Надо сказать, что трусом Антон Петрович не был, но сознание своей вины делало его беззащитным и повергало в панику.

– Потерял что-то? – мрачно поинтересовался водитель. Сжимая голову в плечи, Хрустов признался, что забыл деньги дома. Лицо водителя скривилось и приняло зловещее выражение.

– Я телефон вам оставляю. Созвонимся, подвезу деньги, куда скажете, по двойному тарифу. Вы уж извините, что так получилось. Ей богу не специально! – выпалил Хрустов скороговоркой. В машине повисло недоброе молчание. Он уже представлял как, вылетает сейчас на проезжую часть под колеса автомобилей. И вдруг в голосе водителя послышались вполне человеческие нотки.

– Ладно, не напрягайся, до развилки довезу, мне все равно в ту сторону.

Офис клуба аномальщиков располагался в квартире обычного жилого дома. Нажимая кнопку звонка, Хрустов все еще не верил, что добрался. Про обладательницу приятного голоса он почему-то совершенно забыл и, увидев на пороге молодую девушку, растерялся. Сразу же подумал о том, как непрезентабельно выглядит после долгого путешествия по московской жаре. Брюки как обычно сваливались с бедер, рубашка потеряла свежесть и липла к спине, на висках обозначились струйки пота. Когда девушка, мило улыбнувшись, пригласила пройти за ней, Хрустов лихорадочными движениями попытался привести себя в порядок. Что, впрочем, не помешало кинуть взгляд на идущую впереди особу. И он сразу отметил стройность фигуры и легкую пикантную кривизну ножек, затянутых в плотно облегающие джинсы.

Сообщив, что Семигорцев отъехал, но будет с минуты на минуты, девушка предложила ему кресло и угостила кофе. Сама она села за компьютером в пол оборота к гостю. Было видно, как тонкие длинные пальчики быстро летают над клавиатурой.

Смакуя горячий напиток, Хрустов приходил в себя после дороги. Взгляд рассеянно блуждал по стенам комнаты, останавливаясь на фотографиях, с которых ему широко улыбались люди в штормовках. Краем глаза он продолжал наблюдать и за хозяйкой офиса. Ее вряд

ли можно было назвать красавицей: короткая стрижка, худое резко очерченное лицо. Но какое-то внутреннее изящество придавало мальчишескому облику женственность и обаяние. На ум невольно проходило сравнение с современным коммерческим стандартом красоты. Бесчисленные модели, рекламирующие товары вплоть до самых интимных, прыгающие под фонограмму полуголые эстрадные дивы давно набили оскомину. А в этой рыжеволосой девчужке было что-то подкупающее простое и свежее.

Через двадцать минут, как и было обещано, послышался звук открываемой двери. Войдя в комнату, Семигорцев с порога начал извиняться:

– Антон Петрович, простите ради Бога! Неожиданное изменение графика. Наверное, заставил ждать.

По случаю жары председатель клуба одет был в легкие брюки и пеструю гавайскую рубашку. Этот наряд делал его похожим на стареющего ловеласа. Однако резкие морщины и взгляд выдавали человека совершенно другой закваски.

Узнав, что добрался гость не без приключений, Семигорцев неожиданно попросил описать все в подробностях. Слушая, почему-то удовлетворенно кивал головой, и когда Хрустов закончил, изложил свою версию случившегося :

– Видите ли, Антон Петрович, стоит только проявить интерес к аномалиям, и с вами тут же начинают происходить странные вещи. Случайные события складываются в цепочку, и она мешает вам, как кандалы на ногах. В тот день, когда мы собирались в первую экспедицию, отменили все электрички. Ланскому удалось договориться с начальником институтского гаража, но микроавтобус сломался на полдороги. Но вы все-таки добрались, и это уже о многом говорит. Так что если не передумали, считайте, что в стажеры клуба зачислены.

– Честно говоря, трудно во все это поверить, – признался Хрустов. Семигорцев кивнул головой:

– Согласен, но факт сегодняшних дорожных неприятностей не отрицаете?

Раздавшийся грохот не дал ему договорить. В распахнувшуюся дверь комнаты ввалилось и обрушилось на пол человеческое тело. От неожиданности Хрустов чуть не подпрыгнул в кресле. Однако хозяев офиса вторжение не особо удивило. Семигорцев раздраженно нахмурился, а секретарша, поднимаясь от компьютера, весело объявила:

– Командор, вы дверь опять забыли закрыть!

В это время тело, приподняло голову, оглядело комнату бессмысленным взглядом. В следующий миг девушка оказалась рядом. Проявив неожиданную для хрупкого сложения силу, она встряхнула визитера, заставила подняться и уверенно повела к выходу.

– Сосед, двери постоянно путает, – пояснил Семигорцев.

– А я уж думал опять фокусы аномалии, – признался Хрустов.

– В нашем отечестве, к сожалению, грань между аномалией и стандартной реальностью быстро стирается, – печально констатировал собеседник, – Скоро и в экспедиции не надо будет ездить. Правда, на наш век "полевых" работ еще хватит. Кстати, ближайшая поездка через две недели. Предлагаю принять участие.

Глава 5: Начало экспедиции

Знаменитая трехвокзальная площадь столицы с некоторых пор навевала Хрустову далеко не лучшие мысли и чувства. В молодости он почти убедил себя, что привязан к музе дальних странствий, но потом частые командировки превратили романтику путешествий в нудную обязаловку. А в девяностые годы московские вокзалы вообще превратились в мерзкие отстойники городской нечисти. С того времени в память врезались мрачноватые картинки:

Плохо одетая людская толпа с огромными клетчатými сумками и тюками. В глазах злость, растерянность, недоверие, словно каждый второй вокруг потенциальный вор или

обманищик. По краям людского потока, как гнойные раны, лица бомжей, а из музыкальной палатки гимном новой рыночной отчизне летит разухабистая "блатная" песня. Под ее незатейливый мотив пляшет вместе с бомжихой молодой пьяный придурок. Проходя мимо, кто-то опускает глаза, кто-то наоборот весело скалится:

-Знай наших! Гуляй Россия!..

Вылезая из такси, Хрустов сразу почувствовал, что вокзальная атмосфера в целом изменилась. Публика, в большинстве своем, выглядела прилично, хотя какое-то недоброе напряжение по-прежнему витало над толпой. Выгрузив из багажника ящики с аппаратурой, Семигорцев и Хрустов двинулись к платформам Ярославского вокзала. Поезд уже стоял на платформе, и у плацкартов выстроилась очередь на посадку. Народ преимущественно был простой, с большими клетчатými сумками, пакетами и недопитыми бутылками пива. Слышался непривычный для московских ушей окающий говорок. У купейных вагонов людей собралось меньше, и они издали увидели двух других участников экспедиции.

Сидорина можно было узнать сразу. Как и на фотографиях, он выглядел грубоотесанным, тяжеловесным, спокойным и надежным. К нему Хрустов сразу проникся симпатией, зато второй компаньон произвел неприятное впечатление. От стриженного под ноль крепьша в камуфляже за версту разило ратными подвигами и куражом дедовщины. Здороваясь, он сообщил, что зовут его Коля, встряхнул руку, и окинул Хрустова оценивающим взглядом. Судя по всему, оценка была не высокой.

Пока Сидорин и Семигорцев вели переговоры с проводницей по поводу лишнего груза, Хрустову с Николаем пришлось перетаскивать этот самый груз в купе. Стоило Антону замешкаться в проходе, как он тут же получил от нового знакомого нагоняй за нерасторопность. Не желая больше получать подобных упреков, Хрустов стал суетливо распихивать багаж по полкам. Но и тут его отчитали в весьма не деликатной форме:

– Чего делаешь, земляк?! Тут купе не резиновое!

Взяв руководство в свои руки, Николай аккуратно разложил чемоданы и поинтересовался:

– В каких войсках служил, земляк?

Общение Хрустова с армией ограничивалось военной кафедрой и несколькими сборами в Подмоскowie. Соврав, что служил в инженерных войсках, он почувствовал, что краснеет.

– Все ясно, инженер, – издевательски протянул Николай – так мы тебя звать и будем.

В это время на пороге купе появился Семигорцев и неожиданно резко заявил:

– Нашего уважаемого спонсора вы, Николай, будете звать Антоном Петровичем.

– Слушаюсь, командор! – отрапортовал Николай, шутовски вскинув ладонь к стриженному виску. Но чувствовалось, что Семигорцева этот тип побаивается. Хрустов же смутился еще больше. Хотя большая часть продуктов была закуплена на его деньги, спонсором он себя совершенно не чувствовал, но за неожиданную поддержку был благодарен.

Разрядил обстановку Сидорин. Ввалившись в купе, он сразу же извлек из сумки четыре бутылки и пива, и торжественно объявил:

– За начало!

– Еще не тронулись! Ты что, Петя, традицию забыл? – проворчал Семигорцев.

– Ладно, подождем, – охотно согласился Сидорин и, достав газету с кроссвордом, устроился у окошка.

Через пятнадцать минут поезд, лязгнув колесными парами, медленно пополз вдоль перрона. Чокнувшись пивными бутылками, все четверо сделали по большому глотку и Сидорин, наверное, опять же по традиции, произнес:

– Поехали!

Несколькими часами позже Хрустов лежал на верхней полке, и безуспешно пытаясь заснуть. Напротив него, вытянувшись под одеялом, дремал Семигорцев. Внизу тусклый свет маленьких лампочек выхватывал из полумрака шарообразный затылок Николая и квадратные плечи Сидорина. На равноудаленном расстоянии между ними позвякивала в такт колесам недопитая бутылка водки. Сквозь стук колес долетали несвязанные обрывки армейского жаргона. Коля хвастался ратными подвигами в какой-то горячей точке. Сидорин за все время произнес не больше двух трех слов, зато не забывал разливать. Чокаясь, они залпом опрокидывали в себя содержимое стаканов, закусывали половинками помидора, и монолог продолжался. Наконец, Семигорцев, свесился с полки и напомнил, что подъем через три часа и настоятельно рекомендовал уgomониться.

Призыв подействовал, и в купе скоро стало тихо, но Хрустов все равно не мог уснуть. Не оставляло ощущение нереальности происходящего.

"Куда и зачем он едет? Изучать аномалии, в существовании которых так до конца и не поверил? Пытается переменной мест заглушить ощущение бессмысленности собственной жизни?"

Последние две недели прошли в хлопотах и сборах. С длинным списком он ездил по магазинам, закупая продукты, спальные мешки, палатки и предметы, назначение которых не всегда хорошо понимал. Складировалось все в офисе клуба, поэтому постоянно приходилось взаимодействовать с секретаршей. Эти короткие общения неизменно затрагивали какую-то потаенную струну, и мир как в молодости начинал представляться необъятным, таинственным и манящим.

Подготовка к экспедиции стала поводом и для другой встречи. На всякий случай Хрустов перед отъездом решил оформить завещание. Бывшая супруга и дочь вошли в недлинный список его фигурантов. Улаживание бюрократических формальностей свело их с Ниной у двери нотариальной конторы. Собираясь на встречу, Антон тщательно, выбрился, осмотрел себя в зеркале. Всю дорогу прокручивал в голове возможные сценарии разговора. Однако, потом все неожиданно стало безразлично. Выглядела его "бывшая" даже лучше чем раньше, но это была уже совершенно чужая женщина. Сотни, таких же красивых со вкусом одетых представительниц прекрасного пола каждый день мелькали пред глазами. И казалось странным, что не так давно не было у него человека более близкого и родного. Рассказывать об экспедиции Хрустов не стал, и мотивы, побудившие написать завещание, просто отказался комментировать. Только, прощаясь, неуклюже сострил, что в компенсацию за загубленные годы, может быть, сделает ее богатой наследницей.

Постепенно сознание с короткими перерывами стало проваливаться в дремоту. А потом он увидел бывшую супругу – помолодевшую в обтягивающем платье, с короткой стрижкой. Обнимая его, она села на колени и вдруг трансформировалась в секретаршу Семигорцева. И тут, в самый интересный момент, в сон бесцеремонно вторглась чья-то рука. Медленно просыпаясь, Хрустов чувствовал, как его трясут за плечо и чей-то голос вежливо, но настойчиво говорит, что пора подниматься.

Глава 6: На границе аномалии

Покинув поезд, они бегом кинулись к стоявшей на другом краю платформы "кукушке". Еще не успели расположить по полкам вещи, как тепловоз, издав протяжный гудок, потащил состав из пяти маленьких вагонов куда-то в таежную глухомань. За окном поплыли укутанные утренним туманом контуры елей, спящие поля в золотистой цветочной дымке. Изредка среди зеленого царства возникали крохотные деревушки, с избами, издали похожими на вороньи гнезда. На пустых переездах пестрые шлагбаумы непонятно кому перегораживали дорогу. А потом и эти последние признаки цивилизации исчезли.

Через час, машинист пробурчал в микрофон что-то о станции "шестьдесят шестой километр", и Семигорцев велел перебазироваться к выходу. Через несколько минут, они, спрыгнув на насыпь, они в спешке сгружали вещи. Поезд тут же тронулся, оставив четверых мужчин у деревянного навеса и заколоченной будки с табличкой "Билетная касса". Вокруг не было ни души, и только рельсы напоминали о том, что на дворе уже двадцать первый век, и где-то в задыхающихся от перенаселения городах словно пульсирующий кровавый поток растекается сейчас

улицам вечно спешащая людская толпа.

Здесь же все пребывало в первозданной тишине и покое. Молочно-белый туман плыл над россыпями иван-чая. Коренастые ели, словно стражи рубежей Берендеева царства, развесили мохнатые лапы над грунтовой дорогой. Беспричинно петляя, она тянулась между насыпью и лесом. В разбитой колее темнела вода, и как явный признак заброшенности, по обочинам вылезали из травы шляпки грибов.

Обещанного встречающего не оказалось, что, впрочем, никого особенно не удивило. Семигорцев еще раз, словно оправдываясь, сообщил всем, что отправлял телеграмму и даже получил ответ. Сидорин, пожав плечами, изрек ритуальное "бывает". Потом достал газету и снова погрузился в разгадывание кроссворда. Николай угрюмо молчал. Выглядел он не важно. Видно было, что человек мучается с похмелья. Однако и для его партнера ночные бдения, похоже, не прошли бесследно. Вписав очередное слово, Сидорин обратился к начальнику отряда:

– Командор, ты бы достал "заветную". По глоточку для поправки здоровья.

– Пить надо меньше! – проворчал Семигорцев, но потом все-таки извлек из рюкзака и пустил по кругу большую армейскую фляжку. Хрустову выпала очередь пить после Николая. Припав к металлическому горлу, он сделал большой полновесный глоток. В нос ударил аромат ягод, а горло обожгло спиртовой основой напитка. Чуть позже по телу, прогоняя сонливость, разлилась бодрящая волна. Николай тоже оживился и, потирая ладони, сделал заявку на добавочный глоток. Но фляга безжалостно была возвращена на прежнее место. Закрыв рюкзак, Семигорцев посмотрел на часы, покачал головой и заявил, что пойдет к шоссе и попытается поймать машину. Хрустов тут же вызвался составить ему компанию. Сидеть и ждать он не любил больше всего.

Сбивая шляпки поганок, они неспешно двинулись вдоль дороги. С того момента, как ноги ощутили под собой девственную почву, прошло совсем немного времени, но ритм внутреннего хронометра уже успел измениться. Откуда-то снизошло спокойствие и нежелание куда-либо торопиться. Вскоре грунтовка свернула в лес, который встретил пришельцев запахом прелой хвои. То и дело приходилось перешагивать через упавшие деревья, покрытые зеленой моховой подушкой. Когда преодолевали очередную преграду, из кустов неожиданно вспорхнула крупная серая птица. Плавно взмахивая крыльями, пролетела над людьми и скрылась за деревьями. Проследив за ее полетом, Хрустов перевел взгляд на обочину. Там, словно гвардия Бабы-Яги, тожественно выстроилась шеренга мухоморов. Казалось, пройди еще чуть-чуть и увидишь избушку на курьих ножках.

– Правда, как в сказке!? – словно прочитал его мысли, Семигорцев, – Но это, Антон Петрович, еще не аномалия. Здесь коэффициент несовпадений где-то около пяти – семи процентов. Хотя за последние месяцы все могло измениться.

Про коэффициент несовпадений Хрустов что-то читал в монографии Хартона. Правда, запомнил плохо. Душа жаждала чуда не в процентах, а в чистом виде, и сейчас оно уже пряталось где-то рядом.

Лес вокруг становился все гуще, и, казалось, грунтовка вот-вот исчезнет, оставив их посреди сомкнувшейся чащи. Но после очередного поворота деревья неожиданно быстро рас-

ступились. Впереди обозначился просвет, и вскоре они уже стояли на некоем подобии шоссе-ной дороги, кое-где сохранившей остатки асфальта. После зигзагов грунтовки трасса показала-лась идеально прямой. Пропуская ее, лес отошел на почтительное расстояние.

– Магистраль местного назначения. Связывает райцентр с поселком Глухаревка. Ни на каких картах не обозначена, – пояснил Семигорцев.

А когда Хрустов полюбопытствовал, что делать дальше, он только развел руками:

– Будем ловить машину. Правда, ездят тут, дай Бог, два раза в день.

И тут они увидели на обочине дороги грузовичок с крытым брезентовым кузовом. До машины было около ста с лишним метров, но Хрустову почудилось, что даже с такого расстоя-ния он слышит идущий из кабины богатырский храп.

Стучать в дверцу пришлось долго. Наконец, запотевшее стекло поехало вниз, и в открывшемся проеме возникла круглая заспанная физиономия.

– Вам чего, мужики? – добродушно поинтересовался разбуженный водитель. Однако, услышав просьбу подбросить до Глухаревки, отрицательно замотал головой.

– Нет, сейчас не могу! Мне на шестьдесят шестой километр надо. Какие-то четыре раз-долбая из экспедиции должны подъехать.

– Так, так... – протянул Семигорцев. – Четыре, говоришь, человека из Москвы? Петр Михайлович встречать послал?

– Откуда знаешь? – изумился водитель. Не ответив, Семигорцев забрался в кабину и скомандовал Хрустову, чтобы тот залезал в кузов.

Глава 7: Купальщица

Подпрыгивая на ящике с аппаратурой, Хрустов уносился в новый этап своей жизни. В проеме между брезентом улетала назад дорога. Лес то сходил, то отступал, открывая уто-павшее в теплой синеве небо. Казалось, под такой благодатью нет места ни суете, ни мелким склокам. Но люди обладают свойством отравлять своим присутствием любой ландшафт. Стоит появиться рядом несколькими или даже одной человеческой особи, как безграничный простор мигом сужается до тесноты коммуналки. Вот и сейчас рядом не переставал ругаться Николай. "Заветная", похоже, прекратила свое действие, и он теперь пытался выместить дурное настро-ение, понося водителя, местные дороги и заодно цепляясь к соседу.

Стараясь не обращать внимания на его злобные реплики, Хрустов думал о переменчи-вости судьбы. Еще недавно он жил в мире, похожем на запертый дом с большим количеством комнат. Перемещаясь из одного помещения в другое, привычно не замечаешь внешних стен и почти не веришь в существовании жизни за их границей. И вдруг замки сломаны! Вместе со странной компанией он несется по ухабам не отмеченной на картах дороги. Солнце, совер-шая невероятные скачки над лесом, вдруг начинает светить с запада, потом также внезапно возвращается на место. И это еще только начало!

Затормозили очень резко. Слетев с ящика, Хрустов спикировал на Николая. Теперь уже оба в унисон высказались на счет водителя. Легкий на помине, тот через минуту высунул из-за борта свою круглую физиономию и весело объявил:

– Слезай мужики, дальше хода нет. Мураши мост через Безымянку разобрали!

Поспешив выпрыгнуть из кузова, Хрустов чуть было не рухнул в воду. Оказалось, что машина стоит на самой кромке поросшего кустами обрыва. Внизу, покачивая стрелками камы-шей, бежала неширокая речушка. Правее зияли проломы разобранного деревянного моста.

– Не в первый раз уже озоруют! – сообщил водитель – Еще с утра стоял, а теперь по бревнышкам растащили. Заведутся же такие твари в округе!

– У нас проблемы! – вынырнув из-за кабины, объявил командор- Схожу в Глухаревку, узнаю надолго ли.

– Сходи, сходи! – с сарказмом пробурчал вслед ему Николай.

– Да чего ходить, дай Бог, если к концу недели мост починят, – поддержал его Сидорин и, сладко зевнув, снова забрался в кузов. Видно было, что вывести этого человека из равновесия может лишь только глобальное потрясение.

По единственной оставшейся из мостового покрытия балке Семигорцев перебрался на другую сторону. Водитель заявил, что должен проверить поставленные вчера закидушки, и ушел куда-то вдоль берега. Сидорин спал в кузове. Хрустову пришлось остаться наедине с Николаем. Игнорируя друг друга, они сидели на речном откосе. В сонной тишине хорошо слышно было, как журчит вода под мостовыми опорами. На другом берегу заливались квакающими трелями лягушки. Разыскав у дороги плоские камушки, Николай развлекался, кидая их вдоль поверхности воды. Некоторое время Антон считал количество рикошетов, но вскоре это ему надоело, и он перевел взгляд на заводь у противоположного берега. Оттуда в обычный лягушачий хор и то и дело вклинивался мощный квакающий бас. Казалось, будто среди желтых островков кувшинок прятался средних размеров стегаоцефал. Все еще ожидая увидеть чудо, Хрустов пристально вглядывался в воду. И ему уже начинало чудиться, что под темной поверхностью омута движется какая-то крупная тварь.

– Не хрена себе! Смотри, что творится! – прошептал вдруг Николай, вцепившись в рукав штормовки. Хрустов не сразу понял, что ему предлагают увидеть. Ожидая появления чудовища, испуганно уставился на воду.

– Да не туда. Выше смотри! – снова прошептал Колька. Хрустов поднял глаза и тоже впился взглядом в противоположный берег.

Обнаженная молодая женщина спускалась к реке по заросшему травой склону. Оказавшись на берегу, она кокетливо потрогала пальчиками ноги воду, зашла по колено и, зябко сжав плечи, замерла в такой позе. Пышущая здоровьем фигура купальщицы словно сошла со старинных полотен. Хрустов привык к несколько иным стандартам красоты, но среди сочно зеленой осоки, темной воды и белых кувшинок полнота ее обнаженного тела воспринималась очень гармонично и естественно.

По-прежнему, ни на кого не обращая внимания, купальщица медленно двинулась в сторону их берега. Сначала под водой скрылись бедра, затем живот и, наконец, плавно разводя руками, она поплыла против течения.

– Во дает! Чего скажешь, спонсор?! – снова прошептал Николай.

Хрустов не знал, что ответить. А вскоре и отвечать стало не кому. Николай каким-то образом оказался на другой стороне реки и уже протягивал выходящий из воды даме букет цветов. Игнорируя появление незнакомца, женщина, как ни в чем не бывало, поднялась на берег. Скрутив волосы в тугую черную косу, отжала воду и невозмутимо двинулась вверх по склону. Вокруг мелким бесом увивался Николай. Забегая, то слева, то справа, что-то быстро говорил. В самом узком месте тропинки он зацепился за кусты и чуть не выронил букет. Женщина весело засмеялась, ускорила шаг и скрылась в зарослях.

Когда Николай вернулся, его опухшая физиономия сияла:

– Договорились, вечером в гости ждет. И на счет подруги удочку закинул. Пойдешь?!

Хрустов промолчал. Как-то не очень верилось в существование подруги. Да и успешный блиц-крик Николая тоже вызывал сомнения. А белоснежное женское тело на фоне воды и осоки казалось сейчас явлением языческой богини. Как-то плохо вязалось это с попойкой где-нибудь в каморке при скотном дворе: – водкой в немых стаканах, луковой закуской и объемистыми грудями в сарафанном разрезе.

– Не хочешь и черт с тобой! – грубо отрезал Николай. Но чувствовалось, что без напарника этот бравый вояка идти почему-то побаивается.

Семигорцев вернулся мрачный. Запрыгнув в кузов, растолкал Сидорина. Послышался приглушенный диалог, явно не предназначенный для чужих ушей. Но тут Хрустов опять обнаружил странное обострение своих слуховых способностей:

– Говорю же тебе не замыливание. Вообще черт знает что такое! Термина такого еще не придумали.

– Ну вот и хорошо. Придумаешь, новый, ты же у нас голова.

Придумаю, если вернемся... Да нет, не паникую я, Петя! Но в нашем возрасте головой пора думать, а мы играемся как подростки, на армейском складе. Не забывай нас четверо. И чтобы с выпивкой завязал. Понял меня?

Выглянув из машины, командор объявил, что мост сегодня чинить вряд ли будут, и лагерь придется разбить на этой стороне Безымянки.

После вынужденного безделья все дружно взялись за работу. Вскоре перед речным откосом вырос небольшой палаточный городок с костром по центру и маленьким навесом для "столовой". Водитель за это время так и не вернулся. Впрочем, на его исчезновение никто не обратил внимания. Сидорин, взяв на себя обязанности шеф-повара, занялся приготовлением обеда. Николай ушел на заготовку дров, а Хрустов и Семигорцев, нагрузив рюкзаки подарками, отправились для повторного визита в местную администрацию.

Глава 8: Первый поход

Чтобы попасть на другой берег нужно было пройти по оголенной балке мостового перекрытия. Со стороны она казалась надежной и широкой. Но стоило сделать первый шаг, как Хрустов сразу почувствовал себя начинающим канатоходцем, а бурлившая где-то далеко внизу вода совсем не обещала мягкого падения. Спрыгнув на противоположный берег, он облегчено вздохнул. Оглянувшись, невольно позавидовал Семигорцеву. Командор шел следом, даже не балансируя руками, и, казалось, совсем не испытывал страха.

Грунтовая дорога, врезаясь в верхушку небольшого холма, круто уходила вверх. По бокам, обнажая глинистую почву, краснели изъеденные дождевыми промоинами откосы. Хрустов живо представил, как в сильный ливень дорога превращается в сплошной поток грязно желтой воды. И из закоулков памяти тут же материализовалась сцена времен счастливой супружеской молодости:

Застигнутые грозой они бегут под крышу тещиной дачи. Сверху, вспениваясь, несутся ручьи из растворенной глины, и кажется, что вершина холма, расползается под небесными хлябями. Но Нина больше всего боится грозы. Босоногая, в прилипающем к телу платье она выглядит напуганной девочкой. Инстинктивно эжметя к нему при каждом ударе грома. А он уже вычислил, что эпицентр грозы не ближе двух километров, поэтому храбрится и изображает героя...

В верхней точке подъема, стараясь перебороть одышку, Хрустов остановился. Оглянувшись, как на ладони увидел заводь, змеевидный изгиб реки, дым костра и желтые крыши палаток на противоположном берегу. Мост отсюда выглядел словно обглоданным. Антон вспомнил про таинственных мурашей. Наверное, о том же подумал и Семигорцев.

– Мураши, одна из здешних легенд, – сообщил он. – На самом деле никто и никогда этих гигантских муравьев клептоманов не видел. Вполне возможно, кто-то из местных под их марку ворует.

Заметив разочарование стажера, командор улыбнулся:

– Никак чудес не дождетесь, Антон Петрович? Они Вам еще надоесть успеют, хуже горькой редьки.

Дорога пошла вниз. Рюкзаки теперь подталкивали в спину и придавали ускорение. Совсем недавно с этой стороны холма прошел сильный ливень, и глина превратилась в скольз-

кое месиво. Казалось, одно неаккуратное движение и ты как герой американского боевика, набирая скорость, полетишь вниз по дождевой промоине. Вгрызаясь в скользкий склон ребром ботинка, Хрустов пытался сосредоточиться на дороге, но в мыслях уже был в легендарной Глухаревке. Об этом странном местечке он много читал в отчетах. Однако, информация там излагалась довольно сухо с избытком специальных терминов. Сейчас же в непосредственной близости на мокрой дороге под разорванными облаками история поселка воспринималось совершенно по-другому.

До середины восьмидесятых Глухаревка мало отличалась от прочих населенных пунктов российской глубинки. А потом вдруг развернулась от магистральной линии развития и пошла в будущее своим индивидуальным путем. Началось все с необъяснимого роста населения. Деревни вокруг пустели, а население Глухаревки при практически нулевой рождаемости с каждым годом увеличивалось. Сначала решили, что это москвичи понаехали. Может быть, от этого заблуждения и пошел обычай звать новых соседей москитами. Однако вскоре выяснилось, что "московская" версия далеко не все объясняет. На столичных дачниках новички действительно походили, но вели себя уж как-то совсем странно. И сменялись они с подозрительной быстротой. Вот вроде поселилась по соседству молодая семья. Дамочка в джинсах и футболке ходит по огороду, опасливо дергая кончиками пальцев сорняки. Возле бани, играя мускулатурой, бородатый парень неумело рубит дрова. По двору бегают за кошкой девчонка с круглыми косичками. А завтра, глядишь, никого из них уже и нет. Какой-то подозрительный тип, сверкая золотым зубом, суетится возле сарая, а из окна, словно толстая жаба, выглядывает матрона с тройным подбородком. Через неделю и эти куда-то сгинули. В беседке у дома пьют чай бородатый поп в рясе с круглолицей и улыбочивой матушкой.

Аборигенов москиты почти не замечали а, вернее сказать, игнорировали. Все попытки завести знакомство оканчивались провалом. Попытаешься заговорить с соседом где-нибудь у поселкового магазина, а он молчит и смотрит будто сквозь тебя. Все это не могло не вызывать раздражения. И однажды Антон Никифоров, печально известный среди односельчан склонностью к антизаконным выходкам, решил подпустить пришлым красного петуха. Но по какому-то мистическому стечению обстоятельств огонь, почти не тронув соседского сарая, перекинулся на его баню, где поджигатель уже отмечал свой подвиг с друзьями. Чуть не задохнувшись в дыму, мужики еле сумели вырваться наружу. А на следующий день явилась милиция, и увезла Антона в район для разбирательства. Прошел день, другой. Никаких вестей о судьбе поджигателя до поселка не доходило. Поползли странные слухи. Супруга, не раз желавшая муженьку быстрее сгинуть со свету, закатила публичную истерику. Откликнувшись на ее беду, соседи снарядили в райцентр целую делегацию. Возвращения ходяков ждали до самого вечера. Но те вернулись только через три дня, повергнув односельчан в шок. Оказалось, что местная милиция в ближайшие дни никого не арестовывала. И самое поразительное, что в районном отделении теперь вообще никто не знал о существовании Глухаревки!

На следующий день глава поселковой администрации Петр Михайлович Ронжин поехал в райцентр разбираться. Вернулся на следующее утро пьяным и поседевшим. Оказалось, странная амнезия затронула не только милицию. В районной управе никто даже не слышал о вверенном его заботам поселке. Безуспешно пытался он отыскать Глухаревку и на висевшей в приемной главы администрации карте. В итоге назойливого самозванца просто выставили вон. От обиды руководитель несуществующего больше населенного пункта напился до зеленых соплей. Что было потом, помнил плохо. Очнулся за рулем своего "газика" ровно посередине моста через Безымянку. С тех пор окрестностей Глухаревки Петр Михайлович не покидал. Продолжая выполнять обязанности главы поселка, писал открытые письма президенту и всем людям доброй воли, призывал разобраться и исправить несправедливость. Одно из таких посланий необъяснимым образом дошло до офиса клуба, после чего и началось активное изучение Глухаревской аномалии.

Все эти события только добавили ненависти к москитам. Однако, попыток расправы никто больше не предпринимал. Чужаков теперь уже откровенно боялись. Зато они сами, изменив тактику, перешли к активному экономическому взаимодействию с аборигенами. Соседей нанимали на строительство домов, скупали колхозные уголья, что стало главным источником финансовых поступлений в местную администрацию. В основном же Глухаревка перешла на натуральное хозяйство. Горючее и необходимый минимум товаров для поселкового магазина Ронжин приобретал на вырученные от "распродажи Родины" деньги. Для внутреннего обращения была введена местная валюта, окрещенная в народе "глухариками". Хозяйственную и финансовую деятельность в этой нелегкой ситуации Петр Михайлович вел железной рукой. Как поговаривали, и свою выгоду не забывал. Но, несмотря на слухи и даже факты, авторитет его у него был непререкаемый. Ибо никакой другой организующей и связующей силы в поселке больше не существовало.

Одним из парадоксов глухаревской действительности было то, что туда все-таки доходили письма и телеграммы. А достигших призывного возраста юношей из забытого поселка продолжали забирать в армию. Однако и тут не обходилось без мистики. Возвращались призывники не позднее чем через полгода, бывальными ветеранами. У многих в иконостасе дембельских значков желтели медали с надписями на иностранных языках. Рассказы о воинских похождениях в джунглях Конго и Новой Гвинеи стали обычным явлением. Один парень, вернувшийся с изуродованной рукой, обвинял в своем увечье акулу. С ней он якобы познакомился при высадке десанта на восточный берег Мадагаскара. Сначала ему не поверили, но проживавший в Глухаревке отставной корабельный врач, не один раз ходивший по теплым морям в кругосветку, действительно опознал характерную работу зубов морской хищницы.

Впрочем, этот странный армейский феномен в последнее время был отмечен и за пределами Глухаревки. Читая отчеты, Хрустов не заострил на этом внимания, но сейчас вдруг подумал про Николая.

– Павел Николаевич, а наш Коля случайно не из "аномальных альтернативщиков"?! – поинтересовался он, вспомнив даже придуманный для этого явления термин.

– Угадали. Из этих самых, – печально вздохнул командор- Помните я вам про спонсоров из госбезопасности рассказывал. Так вот Колю нам по линии ФСБ навязали. Просили понаблюдать в аномальной зоне. Рассчитывают, что каких-нибудь "сослуживцев" в Глухаревке встретит. Сомнительный конечно эксперимент, но я не мог отказаться.

– Вот оно что! – протянул Хрустов. Потом, притворно вздохнув, добавил – Бедняга!

Но это уже было чистым лицемерием. В образе жертвы аномальных явлений бравый вояка устраивал его намного больше.

Тем временем они миновали несколько километров лесной дороги, и впереди открылось широкое холмистое поле. Дорога желтой лентой уходила вниз, вынырнув на другом конце ложбины, снова шла на подъем. И уже там, на пригорке, зеленый луг переходил в серые островки черепичных крыш.

– Вот и Глухаревка! – сообщил Семигорцев.

– Ничего особенного, – успел подумать Хрустов, и в этот самый миг, опровергая все законы физики, повалил снег.

Глава 9: Чудеса начинаются!

Крупными хлопьями снег ложился на изумрудно зеленую траву, щекотал холодным прикосновением лоб и щеки. Не понимая, что происходит, среди падающих снежинок, метались обезумевшие бабочки. А солнце, словно насмехаясь, поливало землю жаркими летними лучами. От такого смещения сезонов и красок даже перехватило дыхание. Захотелось, как маленькому ребенку, прыгать, подставляя лицо сказочному снегопаду. Но кончилось все также

внезапно, как и началось. Только белый налет на траве напоминал о странном явлении, и выпавшие на дорогу кузнечики весело прыгали через крохотные сугробы.

Хрустов хотел спросить, часто ли здесь такое бывает. Но, к еще больше изумлению, обнаружил, что рядом никого нет. Несколько секунд он оглядывался по сторонам и растерянно соображал, что делать дальше. Потом вдруг увидел далеко впереди знакомую фигуру. Уже преодолев спуск и небольшой подъем, председатель клуба быстро уходил в сторону поселка. Пока Хрустов созерцал снегопад, его спутник каким-то необъяснимым образом успел уйти почти на полкилометра. Тотчас все инструкции по поведению в аномальной зоне были забыты, и он кинулся бегом догонять командора.

Солнце снова скрылось за облаками. Дорога, небо и поле окрасились в мягкие полутона пасмурного российского лета. Такую погоду Хрустов любил. Приглушенные краски родных сельских просторов он всегда предпочитал резким контрастам и экзотике юга, но сейчас было не до окружающего пейзажа. С висков, застилая глаза, стекал пот. Рюкзак прыгал за спиной и безжалостно бил по пояснице. Дорога то и дело заставляла спотыкаться, отнимая последние силы. Наконец, он совсем выдохся и перешел на шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.